

Лис Деллисон мчался по проспекту. Он морщился так, будто его тошнило. Никто из прохожих, верно, не мог понять, что же с этим лисом происходит. А тот крепче схватился за голову и сильнее поджал уши, которые, как можно заметить, были довольно большого размера.

Так, может в этом причина страдания лиса? Из-за величины ушей ему все кажется громким?

Да, именно так!

Он только и мечтал о том, чтобы поскорее спрятаться от городского шума, словно от холодного ливня. Грохот телег, нескончаемая болтовня прохожих, удары молотами да топорами на стройке были для Деллисона невыносимыми. Звенели колокольчики над дверьми лавок, трубили в трубы сопроводители глашатаев, гремела посуда возле уличных столовых. На центральной городской площади лязгали клинки сражающихся рыцарей. Чуть поодаль ревел дракон. Видно, ему казалось, что он обладает уникальным певческим голосом.

"Когда же это кончится? - мысленно кричал лис, - Когда я уже увижу тот милый домик дядюшки с тетушкой".

Он приехал в столицу с востока страны. Жилища в тамошних селениях окружали деревья. Это были города, перемешанные с лесом. Там Деллисону не приходилось страдать от резких звуков. Самыми громкими были стуки дятла и скрип деревьев в ветреную погоду. А журчание ручьев, пение ансамбля соловьев, шуршание листы ласкали ухо.

Но лис покинул родной край. На востоке были востребованы обработчики древесины, изготовители мыла, добытчики рубинов. А в каллиграфы мало кто нуждался.

Лис же обожал буквы, каждый их элемент, каждый завиточек. Он жизни без них не представлял. За годы взросления он научился писать так быстро, что окружающим казалось, будто он незатейливо чиркает по бумаге. Однако там, где проходила его лапа, оставались ужасно красивые букочки. Без зависти и не посмотришь.

Близкие и друзья восхищались его умением. Они просили Деллисона писать за них письма. По-дружески выполнял он просьбу, но брать плату не мог. Да и не прокормишься. Ведь письма отправляли не так часто - были и другие способы связи. И вот каллиграф приехал в столицу - искать свое счастье здесь.

Дядюшка с тетушкой встретили его с радушием. Они заждались его, так как раннее получили письмо, написанное красивым почерком. Теперь им не терпелось увидеть воочию, как же он пишет.

В их доме было тише, чем на улице. Но и тут Деллисон ощущал себя неуютно. Из окон эхом доносились стуки и скрипы. У соседей шла стройка.

"Почему все так громко? Почему никто не спешит это остановить? Им что терпимо? - думал он, - или что-то совсем не так с моими ушами?"

Перед сном он закрыл окно комнаты, которую дядюшка с тетушкой выделили для него. Лишь тогда наступило спокойствие. Так и уснул.

Но вдруг в середине ночи лис проснулся в поту. Оказалось, что в комнате стало душно. Будто, еще чуть-чуть и он задохнется. Распахнулись створки так, будто это были крылышки бабочки, которую выпустили на волю после долгого заключения. Каллиграф высунул голову и задышал полной грудью. Но вместе со свежим воздухом в комнату ворвался шум. В соседнем доме праздновали новоселье.

Да, что это такое! Перед лисом встал выбор: либо терпеть громкие звуки, либо задыхаться от жары. И после некоторого раздумья, ему не захотелось расставаться со свежим воздухом. Лучше уж как-то укрыться подушками.

Лишь под утро заснул бедный лис. Он утонул в таком глубоком колодце сновидений, что его долго не могли разбудить.

- Вставай, - говорила тетушка, - ты же всегда все слышишь. На собеседование опоздаешь.

На работу Деллисона приняли сразу, как только он показал, как пишет.

- Как же я не люблю писать. Для меня это так мучительно, - жаловался предводитель предприятия рысь, - а теперь я буду тебе диктовать.

- А вы можете выделить для меня самый тихий кабинет, который у вас только есть? - спросил лис.

- Н-не знаю, - удивленно помотал головой предводитель, - пройдишь по нашим кабинетам и поищи самый тихий, если так надо.

Каллиграф последовал совету предводителя. Но в какое бы крыло здания он не заходил, везде было одинаково шумно. Лишь с северной стороны оказалось потише. Но прямо за окнами возвышалось соседнее здание. Отчего в этих кабинетах было темновато. Деллисон попробовал написать письмо.

"Нет, - подумал он, - так и глаза можно испортить. Может, сейчас я сумею работать с закрытыми глазами?".

Он сомкнул веки, глубоко вздохнул и принялся плавно водить лапой по бумаге. Но миг спустя, лис раздраженно отпрянул от стола. Оказалось, он по-прежнему не мог писать, если не видел процесс появления букв. Он когда-то уже так пробовал, но безуспешно. Ведь на самом деле для него это были не просто буквы. Он, подобно музыкантам, что видят музыку, когда смотрят на нотные письма, слышал в каллиграфических узорах переливы пения соловьев, многоголосие журчания ручья, нашептывание шелеста деревьев. Посредством почерка он как раз и

выражал многообразие звуков, и не мог бы отказаться от удовольствия видеть то, что у него получается. Свеженаписанные завитки словно эхом продолжали музыку, звучащую в его голове.

И сейчас, в этом полумрачном кабинете, он ощущал бессмысленность и даже тяжесть работы, потому что попросту не видел то, что создавал.

Лис предпочел светлое помещение с неблагоприятными звуками. И его сразу же загрузили работой. Нужно было красиво переписать документ. Каллиграф, вздрагивая от резких звуков с улицы, пытался сосредоточиться на внутренней музыке. Но его внимание все равно было направлено на шум. Как же быть?

Деллисон осторожно вывел первое предложение. Красиво, аккуратно, но... с опечаткой. "И как же я на собеседовании сумел сконцентрироваться?" - недоумевал лис. Он заново переписал фразу на новом свитке. Получилось. Но следующая ошибка испортила абзац. На очередном свитке он дописывал последнее предложение второго абзаца. Вдруг кто-то ударил в колокол. У каллиграфа дрогнула лапа, перечеркнув аккуратный текст.

Когда на краю стола накопилась кипа испорченных свитков, лис начал нервничать. "Почему у меня ничего не выходит?". Лишь с одиннадцатой попытки ему удалось переписать документ без ошибок.

- Как вы живете с таким шумом? - спросил Деллисон у предводителя.

- Не знаю, - мотнул тот головой, - наверное, у тебя уши слишком э... восприимчивы. Скоро привыкнешь.

Рабочая неделя прошла мучительно. Каллиграф с трудом засыпал лишь под утро. Сосредоточиться на работе ему удавалось лишь под вечер. Его большие уши и правда были ну слишком восприимчивы. У дядюшки с тетушкой они были поменьше. Может, поэтому они хорошо себя чувствуют в городе?

- Надо что-то предпринимать - думал лис.

В выходной день Деллисон отправился на большую городскую ярмарку. Там продавали как обычные вещи, так и магические предметы. Лис надеялся найти продавца каких-нибудь волшебных противозвуковых куполов, о которых он когда-то мимолетно слышал.

Нескончаемая болтовня между сотнями покупателей и продавцов, шуршание фольги, чей-то визгливый смех утомили каллиграфа в первые пять минут. Адская смесь звуков выпивала из него энергию - жадно, почти до дна. Лису стало казаться, что он находится в шумовом тумане. Он с трудом пробивался сквозь толпу. Драконы, рыси, лисы, люди издавали свои звуки. Хлопали, топали, шикали, смеялись, плакали, кричали, возмущались, уговаривали.

Невидимая воронка звуков завихрилась вокруг Деллисона все быстрее и быстрее. В глазах помутилось, воздух перестал поступать в легкие. И каллиграф растянулся на тротуаре.

- Э, молодой рыжий, ты чего? Услышал лис. Он с трудом почти не сознавая этого приподнял веки. На него глядела огромная пасть с острыми клыками. Это подействовало на Деллисона, как нашатырный спирт.

- Я... я в порядке, - промолвил он, пытаюсь подняться на локтях, - Тут очень шумно.

- Может, к целителю доставить? - спросила пасть. Тут она, наконец, закрылась. И лис увидел перед собой дракона.

- Доммой можно? - пробормотал Деллисон.

- А где твой дом?

- Через две улицы.

- Садись! - ответил добродушный ящер. И быстро доставил лиса до дома.

- Может, мне можно было бы как-нибудь работать из дома? - вслух подумал каллиграф.

- Как? - развел руками предводитель, - так не получится. К тому же, я тебя не буду видеть. А мне приятно, когда я вижу столь старательных работников - умельцев, преданных своему делу. Тебе нравится наше предприятие?

- Конечно, но шум... убивает меня. Как же мне сейчас хочется к себе домой, на восток. Сидеть в беседке, среди яблонь и груш. Наслаждаться тихим шуршанием листы. И писать для этого предприятия оттуда. Знаешь, мой знакомый владеет претворческим даром, который достался ему по наследству. Куда бы он не запустил предмет, тот долетит до нужного места. Может быть, он сможет сюда отправлять мои свитки.

- Но как же тогда я буду диктовать тебе? - возразил рысь.

- Может, тебе стоит побывать в наших краях. Вдруг понравится и ты решишь... - лис не закончил. Предводитель не сдержал смех.

- Ох, наивный, - произнес он и рассмеялся, - Мне жаль, но я ничего не могу поделать. Претворение очень энергозатратно. Скажу лишь, что мне бы очень хотелось, чтобы ты решил свою проблему и продолжал у нас работать.

- Деллисон, да у тебя жар, - воскликнула тетушка, - срочно ложись обратно. Сегодня ты на работу не пойдешь.

Сунцев Олег

- Но...

- Я сейчас схожу за целителем, - вставил дядюшка, - а потом к твоему начальнику, чтобы все объяснить.

В ушах стоял страшный гул.

- Мне громко, закрой окно, - промямлил каллиграф.

- А как же свежий воздух? - удивилась тетушка. Но прикрыла створку.

- Надо было тебе на ярмарке посмотреть специальные пробки для ушей. Посмотрим, что скажет целитель.

- Где целитель? - встретила мужа тетушка.

- Он сейчас занят, - объяснил дядюшка, - но с минуты на минуту освободится и будет у нас.

- Работать..., - простонал лис.

- Деллисон, не волнуйся, - поспешил дядюшка успокоить своего племянника, - твой начальник пожелал тебе скорейшего выздоровления. Он даже обещал тебе льготы... Говорит, что ему всегда не хватало такого старательного работника.

Каллиграф сморщился от громкого стука в дверь.

- Скорее, скорее. Вот он наш племянник, - захлопотала тетушка. В комнату вошел человек со смуглой кожей и черными волосами. Он поводил ладонями над головой больного.

- Температура высокая, - пояснил он приятным тихим голосом, - сейчас будем выяснять причины.

Целитель принялся расспрашивать дядюшку с тетушкой о том, чем Деллисон занимался, что его беспокоило. Ему потребовалось не больше минуты, чтобы узнать о боязни шума.

- Так вот поэтому и ослаб организм, - заключил человек, - Таковы последствия бессонницы. Заварите ромашку и простуда с бессонницей пройдут.

- А как же быть со звуками?

- Что я могу посоветовать? - целитель задумался, - только привыкать. Пусть отдохнет хотя бы два денька...

Человек покинул лисий дом. Дядюшка отправился в аптеку за ромашкой. А затем томительно прошли два дня. Но ничего не поменялось. Деллисон по-прежнему морщился при громких звуках. Даже звон посуды раздражал, когда тетушка ее мыла.

- Неужели у тебя на родине было тише? - вздыхала тетушка, - А как твоя мама мыла посуду?

- Она спускалась к реке.

- Ужас какой...

На третий день кончилась ромашка и каллиграф пошел на работу. На улице стояла жара. Окна не прикроешь. Лис не выдержал и расположился в кабинете в северной стороне здания. Пусть там темнее, зато тихо.

Работал Деллисон до заката солнца. Сосредоточится ему удалось. Но он почувствовал опустошение. Буквы ложились ровно, но при этом не приносили ему ни капли удовольствия. Он не слышал в них музыкальные переливы и очень встревожился по этому поводу. Неужели он начал разлюбливать свое дело?

В тихом кабинете он отвык от шума. И выйдя на улицу, каллиграф побежал. Побежал так, будто он попал под страшный ливень. Рядом грохотала какая-то длинная повозка с товаром, которую лис никак не мог обогнать. На всю улицу спорили какие-то животные с режущим высоким голосом и давящим низким басом. Это мышь в чем-то обвиняла слона.

Дома Деллисон чуть не упал от изнеможения. Он отужинал вместе с дядюшкой и тетушкой. Их столовые приборы были деревянными, чтобы было меньше звона.

Каллиграф лег на спину. "Шума нет, шума нет, шума нет" - внушал он себе. В таком состоянии он пытался уснуть, но тщетно. Уставшие глаза не закрывались, шум не давал покоя. В полночь лис закрыл окно. Почти уснул. И только начали сплетаться сновидения, как Деллисон проснулся в поту от духоты. Он встал, распахнул створки окна, выпил целый кувшин холодной воды. Это его взбодрило. И снова неприятные звуки с улицы не давали уснуть. В парке неподалеку праздновали драконы. В соседском доме ведьмы проводили обряд.

"Почему они шумят? - не унимался лис, - Сейчас ведь все должны спать".

В два часа ночи он захлопнул створки так, что задрожали стекла. В три часа ночи они распахнулись. В четыре часа каллиграф снова закрыл окно. В пять утра комнату вновь наполнила свежесть и звуки. Стало тише. Видимо драконы легли спать.

- А сейчас я буду шуметь, - закричал лис в окно, - вам будет приятно? Чтобы больше я вас не слышал!

Оказалось, что кричал он это в коротком сне.

Утром каллиграф не смог разлепить глаза. Лишь, как в тумане, он слышал над собой голоса.

- Мы уже заварили ромашку, - с волнением произнесла тетушка, - ему что теперь всю жизнь ее пить?

- Почему он не может привыкнуть к звукам? - спросил хмурый дядюшка.

- Вот это мы и будем решать, - спокойно ответил целитель.

Деллисон открыл глаза и приподнял голову. Человек принялся задавать ему вопросы. Лис отвечал с трудом. Язык его не слушался. Целитель расспросил о том, как лис жил раньше. Когда боязнь громких звуков началась. Выяснил, что шум не дает каллиграфу спать и работать. А еще Деллисон поделился с ним свежими размышлениями. Он рассказал про тот вчерашний день, когда он работал в тихом полумрачном кабинете. Про то, что он вдруг понял, что отсутствие звуков опустошает его душу и навевает бессмысленность того, чем он занимается.

- А там в моем родном краю шелест листвы, журчание ручьев, да тихий свист ветров переплетались с моей внутренней мелодией. Именно это сочетание и вдохновляло меня писать, - закончил каллиграф.

Целитель медленно кивнул, а затем произнес:

- Хорошо, я обязательно что-нибудь придумаю, и в следующий раз появлюсь с решением. А вы пока поите его ромашкой.

- Может быть, мне стоит вернуться на восток, - тихо проворкотал лис, - научится работать с древесиной или изготавливать мыло и забыть про чистописание...

- Спи, - отвечала тетушка.

- Есть несколько вариантов, - произнес целитель